

Бригадир Лянь привел Чу Сюя к дому слепого лекаря. Издалека они увидели, что к ним направляется Лянь Саньшунь.

Бригадир Лянь, глядя на этого непутевого младшего брата, почувствовал, как внутри закипает раздражение:

— Уже полдень, чего ты тут по деревне околачиваешься? В поле работы не осталось, что ли?

Лянь Саньшунь был одет в новенький синий френч, пуговицы на груди застегнуты до самого верха. Из нагрудного кармана торчала авторучка марки Герой, принадлежавшая его сыну Лянь Шэну, а на ногах поблескивали начищенные до блеска черные кожаные туфли. Выглядел он куда важнее самого бригадира — со стороны можно было подумать, что это какой-то важный чиновник из коммуны. Как любил говорить бригадир Лянь: «Снаружи блесит, а внутри — ослиный помет».

Лянь Саньшунь принял серьезный вид:

— Брат, ты чего! Тут же городской интеллигент, позоришь меня перед человеком! Я только что со склада, там дел невпроворот было.

В деревне Ляньчжуан фамилия Лянь была самой многочисленной, к ней принадлежала половина населения, остальные же были пришлыми, бежавшими сюда в голодные годы. Отношения в деревне были запутанными, но в своем роде сбалансированными. Поскольку клан Лянь был многочисленным и дружным, на выборах почти всегда побеждали его представители, поэтому почти все должности в деревне занимали свои люди.

Учитывая авторитет Лянь Дахуна, Лянь Саньшуня назначили кладовщиком. В его обязанности входило следить за зерном, семенами и инвентарем, чинить инструменты, а по ночам — вместе с бухгалтером дежурить в правлении, охраняя склад. Его трудовни были стабильными — пять баллов в день, вне зависимости от погоды. Для сравнения, сам бригадир Лянь получал восемь.

Бригадир Лянь отлично знал своего братца. Раз тот притащился сюда, значит, снова что-то нужно.

— Выкладывай, зачем пришел?

Лянь Саньшунь ничуть не смутился и с легкой улыбкой произнес:

— Да ничего особенного. Просто попроси Лянь Сюэ прийти завтра вечером к нам на ужин.

Он не хотел просить старшего брата передать это, зная, что тот начнет нотации читать. Но если он позовет Лянь Сюэ сам, племянница точно не придет.

Бригадир Лянь насторожился: ничего хорошего от встреч с ней ждать не приходилось.

— Зачем она тебе? Она еще девчонка, я здесь бригадир, чем могу — помогу, а ее не трогай.

Неудивительно, что он так реагировал — после того случая в прошлом по-другому было нельзя. Тогда, сразу после похорон родителей Лянь Сюэ, чета Саньшуня, узнав, что за опеку над ней полагается пособие в пятнадцать юаней, соблазнилась деньгами. Пока бригадира не было дома, они тайком утащили девочку к себе. Вся деревня с ног сбилась в поисках, а когда нашли Лянь Сюэ запертой в дровяном сарае, супругам досталось так, что они две недели с кровати встать не могли — их крики слышала вся округа. До сих пор непонятно, то ли они были такими хитроумными, то ли просто дураками.

С тех пор они не оставляли попыток вытянуть из Лянь Сюэ деньги, а когда не выходило, пытались отобрать её работу. И только вмешательство людей из коммуны остановило их. Кто знает, какую гадость они задумали на этот раз?

Лянь Саньшунь замялся, его улыбка стала неестественной:

— Ну что ты такое говоришь! Ничего плохого я не замышляю. Видишь ли, Лянь Шэн уже взрослый, у твоих сыновей уже по пять детей, а у моего всё никак не сложится. Хотел попросить у Лянь Сюэ немного денег, чтобы женить его, может, остепенится тогда.

Бригадир Лянь сухо кашлянул и отмахнулся, не веря ни единому слову:

— Ясно. Иди уже, делом займись.

Он не сказал ни да, ни нет, но Лянь Саньшунь, увидев помрачневшее лицо брата, решил больше не настаивать и поплелся прочь. Бригадир с облегчением проводил его взглядом. Один вид племянника вызывал головную боль: двадцать пять лет, ни жены, ни работы, целыми днями сидит дома, как девица, и только и делает, что ест. Девушки, узнав о таком женихе, сразу отказывали. Деревенские уже косо смотрели на его тунеядство, но родители твердили, что он готовится в университет, и если кто-то высказывал недовольство, невестка устраивала скандал, обвиняя всех в травле их единственного сына. Со временем все просто махнули рукой.

Чу Сюй, заметив, что родственники о чем-то спорят, деликатно отошел в сторону. Он уже успел осмотреть двор: тетушка Лянь выполола все сорняки, так что земля была чистой и рыхлой.

— Ну как вам, Чу? Пусть дом и старый, но стены здесь из добротного кирпича, мы в свое время немало сил вложили, — бригадир показал толщину стены. — Видите? Зимой тепло, летом прохладно. Немного подправить крышу, поставить печь — и можно жить.

Чу Сюй остался доволен — гораздо лучше, чем он ожидал.

— Дом отличный. Скажите, что мне нужно подготовить?

— Хорошо. Я выпишу тебе направление, съездишь в поселок за черепицей, через пару дней начнем.

После работы Лянь Сюэ пошла домой вместе с невесткой Чунься, чтобы забрать обещанные соленья — она мечтала о них уже несколько дней, с утренней рисовой кашей самое то.

У дома она услышала плач младенца и крики. Чунься замерла, пробормотав: «Беда». Она свернула за угол и влетела во двор. Там старуха Ма, свекровь Хэхуа, и её дочь Ма Чунь пытались отобрать ребенка. Хэхуа, еще не оправившаяся после родов, слабела, боясь навредить малышу, и постепенно проигрывала. Она горько жалела, что оставила ребенка одного — невестки по очереди присматривали за ней, а тут её золовка ушла домой за вещами, и случилась беда.

Чунься закричала:

— Вы что творите!

Хэхуа, умоляюще глядя на них, прошептала:

— Скорее, они хотят продать ребенка!

Лянь Сюэ, не раздумывая, бросилась на помощь. Она с ловкостью нанесла резкий удар ногой Ма Чунь, которая пыталась ударить Хэхуа. Та отлетела в деревянную дверь с таким грохотом, что у той едва не вылетели петли. Ма Чунь в изумлении уставилась на Лянь Сюэ — откуда в этой девчонке столько силы? Она попыталась вскочить, чтобы отомстить, но от боли в животе согнулась пополам.

Затем Лянь Сюэ схватила старуху Ма за шиворот. Та начала закатывать глаза, ноги её подкосились, руки ослабли. Лянь Сюэ ловко вывернула их ей за спину. Старуха, не в силах сопротивляться и чувствуя жгучую боль, заголосила:

— Ах ты дрянь! Да ты знаешь, кто я? Вернется мой сын — костей не соберешь!

Лянь Сюэ дернула её сильнее, заставив взвыть от боли. Чтобы старуха не сквернословила, Лянь Сюэ схватила первый попавшийся грязный подгузник и заткнула им ей рот.

Хэхуа воспользовалась моментом, прижала ребенка к груди и, успокаивая плачущего малыша, начала его кормить. Ребенок, почувствовав тепло матери, тут же прильнул к груди.

Чунься, ошеломленная быстротой и решительностью действий Лянь Сюэ, долго стояла с метлой в руках, а потом подняла большой палец вверх:

— Сюэ, ну ты даешь!